

*А.С. РАДИЛОВ,
М.Ф. ЦИМБАЛ*

Технологии манипулирования сознанием и вовлечение в терроросреду

В статье анализируется процесс вовлечения личности в терроризм и механизм преодоления террористами социальных запретов на убийство или самоубийство. Описаны стадии онтогенеза террористического акта, выявлены основные черты технологий манипулирования, продуцирующие “образ врага” и вызывающие чувство ненависти и мести к нему.

Ключевые слова: международный терроризм, технологии манипулирования сознанием, онтогенез теракта, личностная идентичность, социальный запрет на убийство и самоубийство.

The article examines a mechanism of personal incitement to terrorism and individual social prohibitions crossing for murder and suicide. Also the research describes ontogenetic stages of a terroristic act and reveals manipulative strategies basic traits, producing “an image of an enemy” and feelings of hatred and deserving revenge.

Keywords: international terrorism, consciousness manipulation technologies, terroristic act ontogenesis, personal identity, social prohibitions for murder and suicide.

Один из недостаточно изученных и не до конца понятых аспектов проблемы международного терроризма – механизм вовлечения и удержания новых лиц в круги терроросреды. В самом деле, мотивы прихода личности в нее могут быть крайне разнообразными, и в этом сходились большинство исследователей этого феномена (см. [Чурков, 1993; Чапарро, 2004; Антонян, 1998; Ольшанский, 2002; Цыцарев, 2004; Барышников, 2006; Перепелкин, 2006; Решетников, 2010; Jamieson, 1989; 1995; 2000]). Одновременно нужно отметить, что специфика террористической деятельности предполагает необходимость постоянной идеологической поддержки представителей терроросреды, которым приходится совершать жестокие агрессивные действия, применять насилие и т.д. В этой связи террорист может сталкиваться с острыми внутренними этическими противоречиями, ибо для индивида, еще не готового полностью отторгнуть рамки современной этической системы, существует социальный запрет на насилие – убийство, самоубийство и т.п. Практика, однако, показывает: с одной стороны, террористам удается успешно преодолевать такие “табу”. Но с другой стороны, даже самая мощная идеологическая база, оправдывающая противоправную деятельность, и самое безоглядное стремление к идеалам, во имя которых может совершаться акт террора, не во всех случаях является достаточной мотивацией для прихода индивида в терроросреду

Радилов Андрей Станиславович – доктор медицинских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Федерального государственного унитарного предприятия “Научно-исследовательский институт гигиены, профпатологии и экологии человека” Федерального медико-биологического агентства России (Санкт-Петербург).

Цимбал Марина Федоровна – соискатель кафедры культурологии факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

и тем более длительного пребывания в ней. В таком контексте возрастает роль технологий воздействия на сознание человека и степень их социоприменимости; они дают манипулятору возможность внедрить в сознание объекта манипуляции практически любую информацию. Иначе говоря, привлечь в террористические организации новых членов можно не только путем длительного убеждения в правильности такого выбора, но и посредством определенной **манипулятивной стратегии**, выступающей дополнением к идеологической обработке, так сказать, традиционного характера. Выявление специфических особенностей подобных технологий и их роли в онтогенезе теракта – основная цель данной работы.

Прежде чем обратиться к изучению технологий манипулирования сознанием, потенциально способных преодолеть наиболее значимые в контексте современной культурной ситуации этические барьеры, необходимо рассмотреть возможность снятия последней с помощью религиозных постулатов. Вопрос о месте религиозной составляющей в идеологии современного терроризма затронут в обширном пласте исторических, культурологических, религиоведческих и прочих работ, что объясняется актуальностью данной проблемы и ее этической остротой. Действительность последних лет породила – и отнюдь не без оснований – мнение, что некоторые религиозные системы склонны провоцировать своих адептов на террористическую деятельность. Речь, конечно же, идет в первую очередь о такой мировой конфессии, как ислам с его институтом джихада [Овсянникова, 2004; Васильев, 2006; Сикоев, 2011]. Подобный взгляд, естественно, вызывает резкое осуждение и неприятие у мусульманских интеллектуалов, убежденных, что их вероучение не призывает к терроризму, но наоборот, провозглашает целый ряд высоконравственных, гуманных постулатов (см., например, [Яхья, 2002; Назиров, 2008]). Данную позицию в определенной мере разделяют ряд исследователей, считающих, что авраамические религии, включая канонический ислам, проповедуют базовые духовные общечеловеческие ценности, а не экстремистские и тем более террористические интенции [Мирский, 1998; Иванич, 2005].

Строго говоря, при попытках типологизации видов терроризма и определения места внутри этих типологий его светской (термин американского терролога Б. Хоффмана) и религиозной версий крайне сложно выделить их принципиальные отличия (см. [Косов, 2006; Яковенко, 2004; Хоффман, 2003]). По нашему мнению, наиболее значимая разница между этими двумя сторонами терроризма и терроросреды заключается не в целях, которые преследуются их представителями, а в мотивациях террористов, в содержании спекулятивных конструкций, оправдывающих и поощряющих их деятельность.

В этой связи важно обратить внимание на следующее обстоятельство: как показывает практика, преступления религиозных террористов обычно приводят к более разрушительным результатам и большему количеству жертв, чем действия их “светских” коллег. Что, по-видимому, закономерно, поскольку наиболее жесткие социальные запреты могут быть с большей легкостью преодолены с помощью религиозных догматов, а помноженная на глубокую веру интеллигентская рефлексия – “удобный” путь в сферу религиозного терроризма [Гарр, 2005; Перепелкин, 2006]. К сожалению, роль такой рефлексии (под которой в данном случае понимается самоанализ, осмысление, оценка индивидом предпосылок и условий собственной деятельности и внутренней жизни) в формировании идеологии лица, склонного к террористической активности, мало изучена специалистами-террологами. Но исследования философов, культурологов, феноменологов и психоаналитиков дают основания утверждать, что интеллигентская рефлексия может служить сильным стимулом прихода в террор. Неудовлетворенность окружающей действительностью, потеря личностной идентичности и разрушение субъектности, вызванные тенденциями глобализма, накладывая особый отпечаток на рефлексию любых индивидов, и особенно тех, кого принято относить к интеллектуалам (см. [Рикер, 1997; Аппель, 2001; Хабермас, 2003; 2008; Ericson, 1959]).

Персональная идентичность формируется через идентификацию личности с группой. Осознание себя принадлежащим к той или иной группе позволяет индивиду, по

выражению французского философа и психоаналитика Л. Альтюссера, “откликаться”, то есть отождествлять себя с некой общностью. Такой “отклик” выступает как синоним провоцирования субъектности [Althusser, 1999]. В этой связи характерно, что выдающийся французский культуролог и социолог Ж. Бодрийяр интерпретирует терроризм как акт восстановления *единичности* (синоним термина идентичности), которая “не устраняется до конца в системе общего обмена... Все проявления единичного (виды, индивиды, культуры), которые заплатили смертью за установление мирового торгового оборота, управляемого одной властью, сегодня мстят за себя с помощью террористического трансферта” [Бодрийяр, 2002].

Причем жестокость политического насилия может быть в большей степени обусловлена и оправдана религиозными конструкциями, создающими важные психологические предпосылки насильственных действий. Эти предпосылки вслед за Т. Гарром можно назвать “относительной депривацией” [Гарр, 2005], которая определяется как воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями. Первые – это те блага и условия жизни, на которые люди, по их убеждению, имеют полное право претендовать. Вторые же – это те блага и условия жизни, которых террористы в состоянии реально достичь или удержать, используя доступные им социальные средства. В таком контексте воздействие на относительную депривацию религиозного компонента идеологии террористов состоит в том, что он играет узаконивающую роль относительно политического и иного насилия.

Таким образом, в ряде ситуаций терроросреда оказывается способной дать индивиду возможность осуществить интерпелляцию – снять определенную долю напряженности процесса рефлексии и вновь обрести разрушенную современной культурной ситуацией целостность идентичности. В процессе рефлексии индивид ощущает накладываемые повседневными реалиями ограничения личной свободы, что ускоряет формирование относительной депривации. Нарастание последней вызывает состояние фрустрации с ее характерными чертами: чувством безысходности, неудовлетворенности, отчаяния. Очевидно, что в этих условиях восстановление идентичности через обращение к терроризму приносит человеку моральное облегчение. Характерно, что акт восстановления идентичности может быть осуществлен в рамках любого вида терроризма, следовательно, эта черта не может считаться специфической для религиозного или светского его типа. Схематически описанный выше онтогенетический процесс представлен на рисунке 1.

К сказанному целесообразно добавить лишь следующее. Говоря об интеллигентской рефлексии в процессе обращения индивида к террористической деятельности, важно подчеркнуть, что механизм снятия социальных запретов при помощи религиозной веры имеет особую “эффективность”. Гибель террористов-смертников считается героической, благородной жертвой и подвигом мученичества и практически всегда вызывает одобрение и поддержку, которые затем проецируются на семью и весь род погибшего. Это не значит, что члены семьи обязательно поощряют смертников и не испытывают боль утраты, однако и они, и сами террористы знают, что наряду со скорбью и болью утраты, будут присутствовать иные чувства: принятие жертвы, ее понимание, одобрения и даже гордость. Смерть в молодом возрасте (опыт показывает, что в абсолютном большинстве случаев террористам около 20 лет) вообще редко воспринимается как конечный и необратимый феномен. Ведь и обычные самоубийцы с атеистическим мировоззрением в ряде случаев надеются, что после смерти встретят нечто сверхъестественное. Религиозные же идеи вечного блаженства в таком контексте имеют особую силу, поскольку восходят к представлениям о переходе на другой уровень бытия и слиянии с Богом или, как минимум, ощущениями идентификации с великой целью (см. подробнее [Решетников, 2010]). Иначе говоря, идея награды в виде “мученического венца” оказывается постулатом, редуцирующим в первую очередь запрет на самоубийство, присущий подавляющему большинству культур.

В современном мире пропаганда радикальных взглядов и терроризма как способа политической борьбы широко использует возможности глобального охвата и эффекта

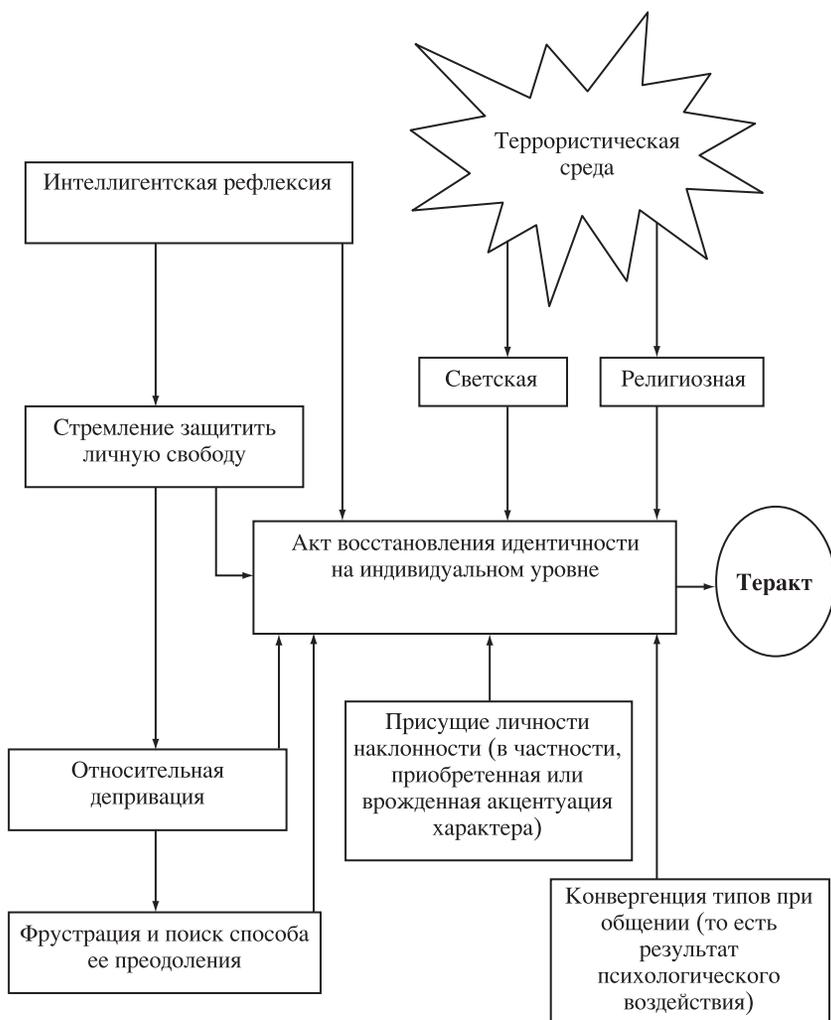

Рис. 1. Онтогенез теракта

присутствия, создаваемого современными СМИ. Структура терроросреды позволяет и поощряет применение самых различных технологий манипулирования, но конкретный вид используемой методики играет меньшую роль по сравнению с содержанием сообщения, адресуемого реципиенту. По нашему мнению, принципиально важно то, что практически любые технологии манипулирования сознанием апеллируют преимущественно к чувствам мести и ненависти – созданию “образа врага”, провоцирующего к жестокости по отношению тем, на кого этот образ экстраполируется.

В свое время известный английский писатель, автор ряда социально-критических и культурологических эссе Дж. Оруэлл в романе-антиутопии “1984”, посвященном обществу будущего, которое зиждется на тотальном контроле мыслей и стремлений населения, описывал применение манипулятивной технологии – “двухминутка ненависти”. В оруэлловском государстве их посещение было обязательным для всех подконтрольных лиц. В ходе этих процедур люди должны были просмотреть специально разработанный видеоролик, моделирующий образ врага режима во всем его устрашающем, вызывающем отвращение облике, а затем демонстрирующий образ главы режи-

ма – спасителя, избавителя и защитника от тех чудовищных несчастий, что принес и принесет враг.

Как показали исследования американских ученых, “наука ненависти” или, используя современный термин, нарративы, восходящие к этим чувствам, могут сыграть решающую роль и в формировании личностной идентичности потенциального террориста. Анализ такого рода эмоций, например, у заключенных, осужденных за убийство, показывает, что чаще всего нарративы ненависти выражаются в любовном (буквальном смысле) описании страданий и лишений, причиненных жертвой своему будущему убийце. Подобная поведенческая калька может быть экстраполирована и на отношения враждующих групп, этносов, стран (межконфессиональные трения также могут быть причислены к этому списку) [Ameriks, Salovey, Wranik, 2009; Sternberg, 2003; 2004].

Упомянутые нарративы представляют собой наиболее важное, отчетливое и устойчивое обоснование идентичности не только на персональном уровне, но и в публичном и политическом пространстве. Ведь – это прежде всего истории, которые, с одной стороны, дегуманизируют врага (то есть лишают его обычных человеческих диспозиций), а с другой – сплачивают потенциальных террористов, усиливая их самоидентификацию. В содержательном плане, помимо религиозных различий, наиболее эффективным содержанием нарратива может выступать апелляция к общей для членов данной группы политической катастрофе, например утрате своей государственной автономии, статуса в обществе, лидерства в регионе и т.п. Иначе говоря, как и оруэлловские “двухминутки”, соответствующие нарративы культивируют чувства страха, ущемленности, ненависти и мести на групповом уровне. А инструментами манипулирования сознанием, сублимирующими и эксплуатирующими такие чувства, становятся пропагандистские материалы, знакомство с которыми может проходить теперь отнюдь не только в условиях подполья – в лагерях и центрах подготовки террористов. Информационное пространство предоставляет возможность доступа к подобного рода материалам не выходя из дома – через Интернет.

И теперь мы переходим от рассмотрения онтогенеза террористического акта к анализу конкретных манипулятивных приемов, используемых в терроросреде для полного снятия у ее adeptов социальных запретов на насилие по отношению не только и не столько к комбатантам, сколько к мирным людям, становящимся объектами и жертвами теракта. В ходе нашего исследования были изучены материалы русскоязычных сайтов “Палестинский информационный центр”, “Свободный Кавказ”, “Имарат Кавказ” и ряда других ресурсов, где особенно широко представлены агитационные статьи и карикатуры, намеренно искажающие действительность с целью создания “образа врага”, лишённого каких-либо человеческих черт, виноватого в бедственном положении палестинцев/кавказцев/мусульманской уммы и пр., и потому заслуживающего ненависти и мести.

Так, текст под названием “Израиль – отнюдь не благодатный оазис”, открывается следующим пассажем: *«Разумеется, “Израилью” очень не хотелось бы войти в Историю одному со своим огромным грузом пороков. Он увлекает за собой тех, кого ему удалось заманить в сети мерзостных страстей и иллюзий»*. Отметим, что название суверенного государства-члена ООН в этой цитате поставлено в кавычки не случайно: администрация сайта пытается внушать, что само существование этой страны незаконно, поэтому все словоформы, образованные от ее названия, преподносятся подобным образом. Обращает на себя внимание и резко отрицательный эпитет “мерзостный”; изучаемый материал изобилует подобными характеристиками. Ибо, как явствует из содержания, основная цель текста – внушать на уровне эмоций неприятие *«“государства” – отщепенца, построенного на крови мужчин, женщин, детей...»*. Иначе говоря, нагнетание резко отрицательных и до предела эмоциональных оценок должно сформировать образ не заслуживающего уважения, сострадания “врага”, каким предстает израильское государство.

На такой объект легко возлагать ответственность за муки и гибель невинных. Поэтому часто можно встретить тексты, бездоказательно утверждающие, будто израильтяне изымают внутренние органы у убитых палестинцев, что с точки зрения ислама, – величайшее кощунство. На базе такой инсинуации человека подводят к выводу: *«Преступные действия “Израиля”, власти которого поощряли кражу органов у убитых палестинцев, являются угрозой для всего мирового сообщества!»*.

Вообще, названия некоторых текстов не нуждаются в каких-либо пояснениях, говоря сами за себя: “Грязная операция сионистских преступников”, «Армия “Израиля” кишит педофилами и насильниками», “На запах гнилья и тления слетается всякая нечисть”, «Сионистские главари без роду – без племени, как и приютивший их “Израиль»», “Сионистская тюремная администрация отказывает в лечении тяжелобольным узником”, “Сионизм – это стратегия промывки мозгов и манипуляции поведением”.

К слову, последний текст весьма интересен с точки зрения исследования манипулятивных приемов тем, что его авторство для создания у потребителя информации видимости фундаментальности и якобы неангажированности приписывается некому Дж. Гейсу – «консультанту правительства, писателю, экономисту, автору книг “Винно-вен по принадлежности” и “Демократия в опасности»». Впрочем, далее следует тиражирование обычных негативных стереотипов, типа: *“Сионизм является неприкрытой идеологией нацистов”*, что вся его суть зиждется *“на принципе несправедливости”*; что Израиль – *«это искусственно созданное “государство”... аннексировавшее чужие земли «по той причине, что их еврейский “бог” даровал их им»*. После такой обработки эмоций читателя ставится риторический вопрос, *“может ли быть Бог у тех, кто вышел из inferнального мира”!* Посредством такой фигуры и без того отталкивающий “образ врага” демонизируется, приобретая какой-то адский характер.

Распространенная методика обработки психики респондента – разжигание конфессиональных предрассудков. Для этого “факты” фабрикуются таким образом, чтобы в конфликт информационно вовлекалась третья, по идее нейтральная сторона. Например, один из материалов сообщает, что христианскому духовенству в Израиле *“постоянно приходится терпеть оскорбительные знаки демонстративного презрения и ненависти со стороны фанатичных иудеев”*. Далее в тексте говорится, будто бы христиане жаловались, что так поступают только с ними, ибо известно об их *«привычке подставлять вторую щеку» – на мусульман “израильские” фундаменталисты нападать боятся»*. Тут налицо дальнейшая, углубленная разработка образа врага – он отвратителен и в своей трусости, ибо нападает на слабого, избегая столкновения с сильным, способным дать должный отпор.

Иудейскому же духовенству в подобном контексте и вовсе приписывается роль духовных наставников убийц. Подтверждение тому – материал, внушающий, будто главный раввин армии Израиля угрожает проклятием тем солдатам, которые не хотят убивать палестинцев. Естественно, что израильская молодежь призывного возраста далее именуется “порослые убийц”. А портрет “идеального израильского военного” представлен в образе чудовищного зомби: *«благословленной на убийство и вооруженной “высшими идеалами” хладнокровной машины»*, которая создана с единственной целью – уничтожать беззащитных палестинских женщин и детей.

Проявления аналогичной “науки” ненависти, такие как фабрикация фактов, исторические инсинуации, оскорбление национального достоинства оппонента и его демонизация, были обнаружены в целом ряде материалов, размещенных на сайтах северокавказских исламистов. Так, в тексте под названием “Может, вы думаете, что для вас не будет Судного дня” находим: *“Сегодня работу и обслуживание грязных русских оккупантов из воинских частей города и подачи от них вы принимаете как благословение от Всевышнего Аллаха... Эти гяуры и их предки десятками тысяч уничтожали дагестанцев, сажали на штыки женщин и детей! Принесли на нашу землю законы шайтана – грязь, разврат, нечестие! Кем вы стали – манкуртами, ничего не помнящими, и по-рабски готовы выслуживаться перед неверными?”* (авторская пунктуация и орфография сохранены). Тут

целесообразно обратить внимание на еще одну манипулятивную методику – разоблачение, так сказать, внутреннего “врага”, пособника оккупантов, то есть жителей Дагестана, не разделяющих позиции экстремистов. Тем самым реципиента подводят к выводу, что военные успехи “врага” внешнего (русских) опираются не просто на якобы тотальное и перманентное преследование северокавказских мусульман, как комбатантов (“*муджахидов*”), так и некомбатантов (их родственников). Преимущество “*кафиров*” (неверных) существует только потому, что на Кавказе имеются их открытые и, что гораздо хуже, тайные “*прихвостни*”. Этим-то “изменников” и поразит божий гнев, даже если им и удастся избежать кары от руки “истинных” правOVERных.

Справедливости ради укажем, что аналогичные нарративы ненависти, апеллирующие к первобытной инстинктивной дихотомии “мы – они”, можно обнаружить и на русских националистических сайтах, например, на сайте “Правые новости”. Там, в частности, представлены материалы, содержащие призывы вступить в террористическую организацию РОНА (Русская освободительная народная армия). Обосновывается это с помощью картинки, изображающей в изрядно сгущенных красках и утрированном виде удручающую картину положения русских людей в Ставрополе. Приводим отрывок соответствующего текста: *«Как только Пятигорск стал столицей северного Кавказа, так округ в буквальном смысле наводнили орды чеченцев и прочих народов. Бандитизм возрос сразу же в десятки раз. С наступлением вечера стало просто опасно для жизни на улицу выходить... Возросло число изнасилований славянских девушек. Слова – “русские, скоро мы вас как свиней тут резать будем”, звучат все чаще и чаще. Кстати и русскую речь с каждым месяцем слышно все реже и реже. Славяне массово покидают эти края... Избиения славян толпами стали нормой. Вечером, например, в Пятигорске, нерусских море. Ходят целыми толпами человек по двадцать, как правило, чеченцы, азербайджанцы, армяне и другие. У многих под одеждой видны очертания пистолетов... Наглость и хамство приезжих не поддаются описанию...»* (авторская орфография и пунктуация сохранены).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, во-первых, в настоящее время ненависть, месть и т.п. категории могут становиться основой для восстановления идентичности людей, которую, по их ощущению, разрушают современная культурная ситуация, тенденции глобализма, и пр. В этой связи представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что терроросреда, потенциально способная восстановить разрушенную “единичность” (идентичность) индивида, всегда будет оставаться привлекательной для тех, кто стремятся к такому восстановлению. Во-вторых, описанная ситуация актуализирует практики “обучения ненависти”, осуществляемое посредством технологий манипулирования сознанием: фабрикация фактов и повторения бездоказательных утверждений, обращенных к эмоциям реципиента. Содержание пропагандистских материалов, представленных на экстремистских интернет-сайтах, дает также основание утверждать, что принятая в терроросреде практика манипулирования охотно использует религиозную аргументацию для преодоления наиболее жестких социальных запретов.

Соответствующим образом построенная апелляция к религии освобождает террориста от чувства греха и комплекса вины, убеждает его в своей правоте и, как следствие, лишает его преступное деяние негативной окраски в собственных глазах. Конечно, стремление мстить врагу, уничтожая его физически, может формироваться не только под воздействием манипуляций с психикой. К возникновению таких намерений могут привести и какие-то неприглядные реалии современной жизни, и неадекватные персональные представления о справедливости, и культурологические мотивы. Однако для лица, подвергнувшегося воздействию манипуляций, социальный запрет на убийство редуцируется в максимальной степени. В ситуации суицидального теракта имеет место воздействие еще одного фактора – стремления пожертвовать собой во имя уничтожения ненавистного врага. Склонность к альтруизму в сочетании с акцентуацией характера – одна из мировоззренческих составляющих и предпосылок, свойственных людям, совершающим самоубийственные теракты. Процесс снятия, как правило, строжайших социальных “табу” касательно насилия графически представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Схема устранения социальных запретов на убийство и самоубийство

* * *

Осуществленное нами исследование механизмов преодоления в терроросреде социальных запретов с использованием различных технологий манипулирования сознанием (с акцентированием религиозной компоненты или без нее); выделение фаз состояния индивида, склоняющегося под их воздействием к совершению убийства/суицидального террористического акта или же идущего к противоправному деянию через восстановление собственной идентичности (путь от интеллигентской рефлексии к фрустрации и стремлению защитить свободу в условиях относительной депривации) – лишь начало работы по социопсихологической диагностике такого рода социальных аномалий. Разработка особых методик тестирования, способствующая определению степени угрозы, которую этот индивид представляет для общества, приобретает ныне особую актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонян Ю.М. Терроризм: криминологическое уголовно-правовое исследование. М., 1998.
- Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001.
- Барышников Д.Н. Международный терроризм в условиях глобализации 28.03.2006 (<http://anthropology.ru/ru/texts/barishnikov/terror/html>).
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма // Геополитика террора. М., 2002 (<http://eurasia.com.ru/geopolitika-terrora.html>).
- Васильев Л.С. Ислам и террор // Общественные науки и современность. 2006. № 1.
- Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- Иванич Ю. Наркотики и терроризм: паутина зла. М., 2005.
- Косов Ю.В. Международный терроризм как глобальная проблема. 28.03.2006 (<http://anthropology.ru/ru/texts/kosov/terror.html>).
- Мирский Г.И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия // Политические исследования. 1998. № 2.
- Назирова Д. Современный терроризм религиозных экстремистов и проблемы противодействия // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: философия и право. Душанбе, 2008. № 1.

- Овсянникова Е.А.* Теория джихада в исламской концепции миропорядка // Россия и мусульманский мир. 2004. № 7.
- Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб., 2002.
- Перепелкин Л.С.* Современный терроризм и его религиозные обоснования // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. Нижний Новгород, 2006.
- Решетников М.М.* Психологический портрет террориста. 18.02.2010 (<http://scienceport.ru/content/psikhologicheskii-portret-terrorista>).
- Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1997.
- Сикоев Р.Р.* Эволюция понятия “исламский джихад”: от пути самосовершенствования к пути войны // Общественные науки и современность. 2011. № 3.
- Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- Хоффман Б.* Терроризм: взгляд изнутри. М., 2003.
- Цыцарев С.В.* Социальная психология и психопатология терроризма // Психология и психопатология терроризма. СПб., 2004.
- Чанарро Х.Д.* Терроризм – чума XX–XXI столетий // Развитие личности. 2004. № 2.
- Чурков Б.Г.* Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1993. № 4.
- Яковенко И.Г.* Время изживать терроризм // Дружба народов. 2004. № 1.
- Язья Х.* Ислам проклинает террор. Астана, 2002.
- Althusser L.* Writings on Psychoanalysis: Freud and Lacan. New York, 1999.
- Ameriks J., Salovey P., Wrantik T.* Emotional Intelligence, Personality, Impulsivity and Investor Behavior. Charlottesville, 2009.
- Ericson E.* Identity and the Life Cycle. Selected Papers. Madison (Conn.), 1959.
- Jamieson A.* The Heart Attacked: Terrorism and Conflict in the Italian State. London–New York, 1989.
- Jamieson A.* Mafiosi and Terrorists: Italian Women in Violent Organizations // SAIS Review. 2000.
- Jamieson A.* Terrorism. New York, 1995.
- Sternberg R.J.* A Duplex Theory of Hate: Development and Application to Terrorism, Massacres and Genocide // Review of General Psychology. 2003. № 3.
- Sternberg R.J.* The Psychology of Hate. Washington, 2004.